

0 782269

На правах рукописи

Сосновских Светлана Владимировна

**Политические репрессии на Урале в конце 1920-х –
начале 1950-х гг. в отечественной историографии**

**Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение и
методы исторического исследования**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Екатеринбург – 2010

Работа выполнена на кафедре регионоведения России и стран СНГ
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького»

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор
Камынин Владимир Дмитриевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор
Заболотный Евгений Борисович
кандидат исторических наук,
доцент
Ильченко Вера Никитична

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Казанский
государственный университет
им. В.И. Ульянова-Ленина»

Защита состоится «21» апреля 2010 г. в 10⁰⁰ часов на заседании
Диссертационного совета Д 004.011.01 по защите докторских и кандидатских
диссертаций при Учреждении Российской академии наук Институт истории и
археологии Уральского отделения РАН по адресу: 620026, г. Екатеринбург,
ул. Р. Люксембург, 56.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Учреждения
Российской академии наук Институт истории и археологии Уральского
отделения РАН (г. Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56)

Автореферат разослан «15» марта 2010 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
доктор исторических наук

Е.Г. Неклюдов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Начиная со второй половины 1980-х гг., Россия вступает на путь формирования гражданского общества и правового государства. Этот процесс протекает довольно сложно. Причины, как у любого другого явления, необходимо искать в прошлом страны. Тоталитарный режим, сопровождавшийся массовыми репрессиями, сформировал у людей так называемое «репрессированное сознание», которое еще долгое время будет ощутимым препятствием на пути к правовому государству и гражданскому обществу. Осмысление произошедшего с нашей страной нужно не только для успешного становления и развития правового государства в России, но и для того, чтобы нечто подобное не повторилось в будущем. О потребности переосмысления отдельных страниц истории XX в. говорит тот факт, что за последние двадцать лет проблема политических репрессий является одной из самых изучаемых тем. Проследить перипетии, выявить тенденции господствующие в изучении проблемы, представляется нам задачей полезной для понимания исторического и общественно-политического самосознания нашего общества.

Особое значение для гигантской по масштабам и многоуровневой по социально-экономическому развитию страны имеют работы региональных авторов, в которых были поставлены проблемы и выявлены особенности характерные для того или иного региона. Анализ данных исследований позволяет составить наиболее полную и объективную картину изучения репрессивной политики советского государства в отечественной историографии. Большую роль в этом смысле играют работы, посвященные репрессиям конца 1920-х – начала 1950-х гг. на Урале. Это обусловлено, во-первых, тем, что на Урале репрессии носили массовый характер, поскольку здесь были сосредоточены стратегически важные для страны промышленные предприятия, на которых работало много старых специалистов. Во-вторых, Урал с конца 1920-х гг. становится местом ссылки заключенных, именно здесь начинают активно формироваться многочисленные лагерные системы. Особенностью Урала было то, что уже высланные сюда репрессированные подвергались повторным репрессиям. Тема политических репрессий конца 1920-х – начала 1950-х гг. на Урале стала предметом пристального внимания ученых в 1990-е гг. В связи с этим она слабо изучена в историографическом плане, что делает данное диссертационное исследование еще более актуальным с научной точки зрения.

Объектом исследования в работе является отечественная литература, в которой рассматриваются политические репрессии в отношении номенклатуры, интеллигенции и церкви в конце 1920-х – начале 1950-х гг. на Урале. Это в основном исторические исследования, а также работы специалистов по смежным дисциплинам: социологии, политологии, экономике.

Предметом исследования в диссертации являются основные тенденции и результаты научного изучения историками проблемы

политических репрессий конца 1920-х – начала 1950-х гг. на Урале в отношении номенклатуры, интеллигенции и церкви, включая теоретическое осмысление проблемы, концепции историков, изменение методики исторических исследований.

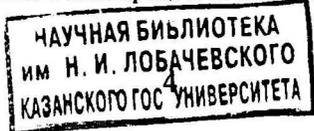
Цели и задачи исследования. Целью диссертации является историографический анализ литературы, в которой освещается проблема политических репрессий на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. в отношении номенклатуры, интеллигенции и церкви.

Поставленная цель реализуется в работе посредством решения следующих задач:

- дать периодизацию исследований по заявленной теме;
- выявить особенности методологических и концептуальных подходов, специфику источниковой базы;
- рассмотреть эволюцию взглядов исследователей на проблему политических репрессий на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. и факторы, под воздействием которых происходили данные изменения;
- изучить взгляды историков на причины и этапы репрессий в отношении руководящих кадров, интеллигенции и священнослужителей на Урале в обозначенный нами период;
- исследовать точки зрения ученых на отношение населения к политическим репрессиям, на степень сопротивления со стороны народа сталинской политике;
- подвести итоги исследования конкретных проблем истории Урала, определить основные направления и перспективы их дальнейшего изучения.

Хронологические рамки исследования включают литературу, появившуюся после XX съезда КПСС до настоящего времени. Различие в исследовательских подходах и понимание сущности данной проблемы позволили выделить два этапа в истории изучения темы: советский и современный. Внутри советского этапа особо выделяется перестроечный период, который можно назвать переходным между советским и современным этапами в изучении заявленной проблемы. Современный этап охватывает период с начала 1990-х гг. до наших дней. Со второй половины 2000-х гг. начинают активно публиковаться работы, написанные с точки зрения оправдания сталинской карательной политики. Если данная тенденция продолжится, то в перспективе можно будет говорить о начале нового этапа в изучении проблемы политических репрессий конца 1920-х – начала 1950-х гг.

Хронологические рамки рассматриваемой темы ограничены событиями конца 1920-х – начала 1950-х гг. Нижней границей работы является конец 1920-х гг., на который приходится процесс перехода от НЭПа к политике коллективизации и индустриализации, а также фактическое установление власти И.В. Сталина в стране. Данные события сопровождались новым витком репрессий. Верхней – смерть И.В. Сталина и завершение последних громких политических процессов накануне «оттепели».

Территориальные рамки. В диссертации использовалась литература общесоюзного, общероссийского и регионального характера. В связи с тем, что проблема политических репрессий конца 1920-х – начала 1950-х гг. на Урале в большей степени освещается в исследованиях уральских авторов, то работы историков из Екатеринбурга, Челябинска, Перми, Кургана, Оренбурга, Уфы, Ижевска и других уральских городов преобладают в диссертации. В меньшей степени в ходе работы исследователем привлекалась литература авторов из Москвы, Санкт-Петербурга, Кемерово, Томска и других городов России, поскольку в них отражаются главным образом теоретические вопросы проблемы политических репрессий; о репрессивной политике советского руководства на Урале в лучшем случае имеется лишь упоминание.

Территориальные рамки рассматриваемой темы охватывают территорию Урала с включением национальных районов – Башкирии и Удмуртии. В конце 1923 г. ЦИК СССР принял постановление об образовании Уральской области, в состав которой вошли Екатеринбургская, Пермская, Челябинская и Тюменская губернии. Уральская область просуществовала до начала 1934 г. С конца Великой Отечественной войны на территории Урала функционируют Курганская, Оренбургская, Пермская, Свердловская, Челябинская области и автономные республики Башкирия и Удмуртия.

Степень научной изученности темы. Проблема политических репрессий стала предметом исследования историков сравнительно недавно. В связи с этим историографические работы по этой теме начали появляться только на современном этапе развития исторической науки. Основную часть историографических публикаций составляют статьи. Историографическую литературу по заявленной теме можно разбить на несколько групп. В первую группу входят работы общероссийского характера. В.Э. Багдасарян, С.Е. Мишенин и другие авторы рассматривают такие теоретические вопросы, как причины репрессий середины 1930-х гг. в отечественной историографии, общие тенденции и этапы в изучении проблемы¹. Большинство историографических исследований, как на общероссийском, так и на уральском материале, посвящено репрессиям середины 1930-х гг. Подробный анализ изучения репрессивной политики режима в 1930-е гг. в современной

¹ Сидоров А.В. Сталинизм: опыт и уроки осмысления (обзор публикаций) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 7; Мишенин С.Е. Отечественная литература о причинах политических репрессий второй половины 30-х гг. // Тоталитаризм и личность. Пермь, 1994; Горинов М.М. Советская история 1920–30-х гг.: от мифов к реальности // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. М., 1996; Шанина Е.В. Проблема сталинизма в исследованиях и публицистике конца 1980-х – начала 90-х гг. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Уссурийск, 2001; Багдасарян В.Э. «Загадочный тридцатый седьмой»: опыт историографического моделирования // Историография сталинизма. М., 2007.

историографии содержится в работе М.В. Казьминой². Историк анализирует истоки, причины, цели и масштаб репрессий, роль режима и широких масс в их осуществлении. Изучение сталинской политики в 1930-е гг. в западной историографии освещается в статье И.В. Павловой³. Автор выделяет два основных направления, а именно ревизионистское и тоталитарное, в рамках которых исследуется проблема репрессий в зарубежной литературе.

Вторую группу составляют работы, посвященные изучению темы репрессий 1920-х – начала 1950-х гг. в уральской исторической литературе. Наиболее полной на сегодняшний день по теме диссертационного исследования можно считать статью В.М. Кириллова, которая содержит анализ не только отечественной, но и зарубежной историографии⁴. Это является ярким показателем того, что зарубежная историография в конце XX в. стала неотъемлемой частью исторической науки в России. У автора четко прослеживаются этапы становления и изучения проблемы, изменения в подходах к анализу темы политических репрессий на Урале в историографии. Историк рассматривает не только современную историографию, что характерно для большинства историографических работ, посвященных репрессиям, но и советскую. Ценно то, что В.М. Кириллов анализирует изучение в исторической литературе репрессий, которые проводились советским государством на протяжении всего советского периода, а не только в 1930-е гг. Однако объем статьи не позволяет автору в полной мере раскрыть проблемы, поставленные в исторической литературе в рамках темы политических репрессий.

К данной группе относятся также работы В.Д. Камынина, Е.Б. Заболотного, А.О. Никитиной, С.В. Рыбакова⁵. Нельзя не согласиться с авторами, что процесс формирования литературы по истории репрессий в СССР шел в двух основных направлениях: проблемном и описательном с

² Казьмина М.В. Отечественная историография второй половины 1980-х гг. – начала XXI в. о политическом и социально-экономическом развитии СССР в 1930-е гг.: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Кемерово, 2006.

³ Павлова И.В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов // Отечественная история. 1998. № 5.

⁴ Кириллов В.М. Историография истории репрессий в СССР и на Урале (1918 - 1990 гг.) // Власть и общество. Нижний Тагил, 1996.

⁵ Камынин В.Д., Заболотный Е.Б. Тема репрессий 20-х – начала 50-х гг. в уральской исторической литературе // История репрессий на Урале в годы Советской власти. Екатеринбург, 1994; Никитина А.О. Уральская историография политических репрессий в СССР в 1930-х гг. // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв. Екатеринбург, 1999; Она же. Политические репрессии на Урале 1920–30-х гг. в региональной историографии // Урал индустриальный. Екатеринбург, 1999; Рыбаков С.В. К вопросу о концептуальном освещении политических репрессий 1937 года // 1937 год: память и уроки. Тюмень, 2007.

преобладанием последнего в начальный период изучения темы, что обусловило ее «персонифицированный» характер. Данный тезис можно распространить и на процесс изучения проблемы политических репрессий на Урале в уральской историографии. В исследовании Е.А. Игишевой, посвященном политическому развитию Урала в 1920-е гг., уделяется значительное внимание освещению в отечественной историографии проблемы репрессий на Урале в конце 1920-х гг.⁶ Обзор литературы о репрессиях на Урале в годы Великой Отечественной войны дается в работах Г.Е. Корнилова⁷. Литература по репрессиям в отношении интеллигенции анализируется в статьях О.И. Васильевой, А.О. Никитиной, В.Л. Соскина⁸. Анализ отдельных работ, касающихся репрессивной политики советского государства, встречается в рецензиях В.Г. Косачева, В.Б. Конасова, М.В. Дмитриева, статьях М.А. Фельдмана.

Определенный интерес представляют историографические обзоры, которые сопровождают каждую серьезную работу по интересующей нас теме⁹.

Источниковую базу исследования составляют опубликованные труды отечественных авторов, посвященные заявленной в диссертации проблеме: научные монографии, статьи, тезисы выступлений на конференциях, авторефераты диссертаций, предисловия к книгам, рецензии, учебные пособия, справочные и энциклопедические издания, научно-популярная и публицистическая литература.

⁶ Игишева Е.А. Политическое развитие Урала в 1920-е гг. в современной отечественной историографии. Екатеринбург, 2008.

⁷ Корнилов Г.Е. Современная уральская историография уральского тыла // Урал в прошлом и настоящем. В 2-х ч. Екатеринбург, 1998. Ч.1.

⁸ Соскин В.Л. Интеллигенция в советской России (1917 – конец 1930-х гг.): Историографический аспект // Интеллигенция, общество, власть: опыт взаимоотношений (1917 – конец 1930-х гг.). Новосибирск, 1995; Васильева О.И. История интеллигенции Удмуртии в современных исследованиях (конец 1980-х – 2002 гг.). // Культура и интеллигенция России XX в. как исследовательская проблема: итоги и перспективы изучения. Екатеринбург, 2003; Никитина А.О. Интеллигенция и власть на Урале в современной региональной историографии // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 49. Вып. 13; Она же. Интеллигенция и власть на Урале в 1920-е гг.: к вопросу о периодизации уральской историографии // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 50. Вып. 21.

⁹ Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала 1920-е – начало 1950-х гг. В 2 ч. Нижний Тагил, 1996; Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. В 2 кн. Екатеринбург, 1997; Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в советской России. Екатеринбург, 1997; Нечаев М.Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917 – 1922. Пермь, 2004.

Работы советского периода в основном представлены статьями и тезисами, которые носили описательный характер. Речь идет, главным образом, о биографических очерках, заканчивающихся моментом, когда тот или иной деятель был репрессирован. Упоминание о репрессиях в советской историографии включается в статью наряду с другими этапами жизни человека. Это позволяет говорить о ситуации накопления знаний, периоде экстенсивного изучения темы, когда основной задачей являлось восполнение тематических пробелов, в первую очередь это касается перестроечного периода. Во второй половине 1980-х гг. наблюдается постепенный отход от единой методологии, идет поиск новых концептуальных начал в оценке советского прошлого. Однако в это время преобладающее, можно даже сказать господствующее влияние, имели сторонники формационного подхода. Представители науки отвечали на вопросы, поставленные в публицистике и художественной литературе, основываясь на приоритете ленинизма и социалистического выбора. Это, с одной стороны, свидетельствует о новой тенденции, наметившейся в исторической науке, с другой стороны, демонстрирует то, что работы перестроечного периода были написаны в контексте советской историографии. Кроме того, работы перестроечного периода в массе своей коренным образом по степени осмысления и постановке проблем, а также характеру их изложения не отличаются от работ предшественников. Как и в эпоху «оттепели», волна биографических очерков репрессированных деятелей большевистской партии во многом была обусловлена процессом реабилитации, развернувшимся с новой силой в перестроечный период.

Для исторической литературы 1990-х – начала 2000-х гг. характерен целый ряд кардинальных изменений, обусловленных, прежде всего, использованием различных методологических концепций, приверженность к которым определяет проблематику исследований и многообразие взглядов на проблему политических репрессий. В современной историографии по сравнению с советской стало появляться больше работ проблемного характера. Кроме того, если советский период был представлен в основном статьями и тезисами, то на втором этапе начинают публиковаться первые обобщающие труды и научные монографии, которые представляют несомненную научную ценность. Активно публикуются работы исследователей, занимающихся проблемой политических репрессий конца 1920-х – начала 1950-х гг. в регионах, в том числе на Урале.

Достижением современной историографии проблемы репрессий на Урале следует считать работы уральских историков А.В. Бакунина, В.М. Кириллова, А.С. Смыкалина. В исследованиях А.В. Бакунина и А.С. Смыкалина рассматриваются, главным образом, теоретические вопросы темы: понятие «репрессии», их причины, этапы и последствия, законодательная база репрессий, механизм их осуществления. Научная ценность монографии В.М. Кириллова заключается в том, что впервые на материалах отдельного региона, в данном случае Нижнетагильского,

реконструируются события конца 1920-х – начала 1950-х гг., анализируется механизм осуществления репрессий, условия жизни и труда репрессированных, массовое сопротивление жесткой государственной политике.

Отсутствие комплексных обобщающих работ до сих пор характерно для изучения проблемы репрессий на Урале в отношении интеллигенции. В этой связи особо хотелось бы выделить монографию В.С. Терехова, посвященную инженерно-техническим кадрам Урала, в которой подробно освещается механизм сталинских репрессий.

Для написания диссертации автором привлекались зарубежные историографические источники.

Для более объективного анализа литературы в диссертации нами использовались исторические источники, которые можно разделить на законодательные, делопроизводственные, источники личного происхождения (мемуары, дневники, личная переписка) и периодическую печать.

Делопроизводственные документы представляют собой самый многочисленный вид исторических источников, поскольку к ним относятся и нормативные документы, и протокольная документация, и деловая переписка, и информационные документы (сводки, сообщения), и отчетная документация. В советский период значительная часть делопроизводственных документов была засекречена. Значимость ранее засекреченных документов в том, что они содержат в себе ту информацию, которая не должна была фигурировать на страницах периодических изданий, а следовательно данная выборка в большей степени отражает реальную картину жизни страны, нежели законодательные акты. В диссертационном исследовании были использованы опубликованные в сборниках законодательные и делопроизводственные материалы.

Большое внимание в работе было уделено анализу источников личного происхождения, таких как письма, дневники, мемуары. Их особенность заключается в том, что помимо информации о прошлом они несут в себе сведения о том, как события прошлого отражались в сознании людей. Без использования источников личного происхождения невозможно увидеть живой картины прошлого. Они позволяют представить исторические события в совершенно новой, порой неожиданной интерпретации. Многие воспоминания, документальные снимки, письма пострадавших и их родственников представлены в книгах памяти, которые благодаря деятельности историко-просветительского общества бывших узников сталинских лагерей и их потомков «Мемориал» вышли во многих городах России.

Определенный материал о положении дел в регионе извлечен из периодической печати конца 1920-х – 1930-х гг., которая дает возможность проследить изменение идеологических установок правящей партии. Однако следует отметить, что пресса не столько «отражает» действительность, сколько активно ее формирует, определяя массовое сознание, общественные

ценности, экономическое и социальное поведение. Это определяет достаточно осторожный подход к анализу периодической печати. Вместе с тем именно периодическая печать дает возможность увидеть, каким образом власть оказывала влияние на сознание граждан, создавая в обществе то или иное настроение. Кроме того, периодика содержит в себе значительную часть фактического материала.

Методологическая основа исследования. При анализе исторической литературы в диссертации использованы принципы историографического исследования, разработанные в трудах И.Д. Ковальченко, В.Ф. Коломийцева, О.М. Медушевской, Б.Г. Могильницкого, М.Ф.Румянцевой и других ведущих специалистов в данной области. Ведущим методологическим принципом диссертационного исследования послужил принцип историзма, предполагающий изучение каждого историографического источника в контексте породившей его эпохи, поскольку при оценке того или иного историко-научного факта прежде всего нужно учитывать достигнутый к этому времени уровень развития исторической науки, объективные возможности для научного творчества, состояние исследований в смежных областях знаний. Выстраивание хронологического ряда работ позволяет выявить процесс накопления знаний, выявить качественные изменения в разработке проблемы, рассмотреть заслуги исследователей по сравнению со своими предшественниками, а не последующим уровнем исторических знаний.

Важным и необходимым общенаучным принципом является принцип целостности в историографическом исследовании, так как он ориентирует исследователя подходить к изучению каждого периода или направления в истории исторической науки как к системе взаимосвязанных элементов исторического знания и причин, предопределяющих их изменения. К изучению процесса развития исторической науки мы подходим с позиций ценностного подхода, особо выделяя те идеи, положения и явления в прошлом, которые имеют значение для современного этапа развития историко-научных знаний. Автор диссертации стремился придерживаться принципа научной объективности.

В качестве прикладных методов историографического исследования были использованы проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, системно-структурный методы. Применение проблемно-хронологического метода позволяет систематизировать работы исследователей по кругу изучаемых ими проблем, выявить процесс накопления знаний по данной теме, подвести определенные итоги ее изучения. Сравнительно-исторический метод используется в работе для проведения необходимых сравнений различных исторических концепций с целью выявления их общих черт, особенностей, самобытности и степени заимствования. Системно-структурный метод изучения историографии как совокупности научных трудов и публикаций дает возможность выделить из всего комплекса работ наиболее типичные и научно значимые для изучаемой

проблемы. Кроме того, в работе использованы методы ретроспективного и перспективного анализа. Первый позволяет изучить процесс движения мысли историков от современности к прошлому, для того чтобы выявить элементы старого, сохранившегося в наши дни знания, проверить выводы прежних исторических исследований данными современной науки, а второй метод помогает определить перспективные направления, темы, проблемы будущих исследований на основе анализа достигнутого современной наукой уровня.

Научная новизна исследования заключается в попытке автора на основе анализа историографических источников, посвященных репрессиям в отношении номенклатуры, интеллигенции и церкви на Урале, создать обобщающую работу по историографии политических репрессий конца 1920-х – начала 1950-х гг. на Урале в отношении заявленных в теме категорий населения. Многие современные историографические источники, опубликованные на Урале, впервые стали объектом историографического исследования. В то время как в большинстве исследований, посвященных изучению политических репрессий в исторической литературе, рассматривается в основном проблема большого террора середины 1930-х гг., автор диссертации предпринял попытку расширить изучаемый круг вопросов за счет включения военного и послевоенного периодов. Значительное внимание в диссертационной работе уделяется изучению в исторической литературе особенностей политических репрессий конца 1920-х – начала 1950-х гг. в национальных районах Урала. Данный аспект темы крайне редко анализируется историками, занимающимися исследованием проблемы сталинских репрессий на Урале в отечественной историографии.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что материалы, содержащиеся в работе, могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов по историографии отечественной истории преподавателями вузов и учителями школ, при написании новых трудов по политической истории Отечества в XX столетии. Выводы диссертации позволят определить перспективы дальнейшего изучения темы.

Апробация результатов исследования. Рукопись диссертации обсуждалась на кафедре регионоведения России и стран СНГ факультета международных отношений Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Основные положения и выводы по теме диссертации изложены автором в докладах на VIII и IX Всероссийской научной конференции «Урал индустриальный» (Екатеринбург, 2007 и 2009), Всероссийской научной конференции «Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность» (Екатеринбург, 2008), межрегиональной научно-практической конференции «1937 год: память и уроки» (Тюмень, 2007). Результаты исследования нашли отражение в 8 публикациях, две из них в реферируемом журнале «Известия Уральского государственного университета».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ.

Во введении обосновывается актуальность темы, анализируется степень ее изученности, определяется предмет, объект, методы, формулируются цели и задачи исследования, обозначаются его хронологические и территориальные рамки, характеризуются использованные историографические источники, выявляется научная новизна и практическая значимость работы.

Первая глава «Сталинские репрессии в отношении руководящих кадров на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. в отечественной историографии» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе рассматривается исследование проблемы политических репрессий против руководящих работников на Урале в советской историографии. Проблема репрессий впервые была поставлена во второй половине XX в. в значительной степени под воздействием XX съезда КПСС и начавшегося процесса реабилитации репрессированных в 1930-е гг. Это обусловило то, что историки занимались, главным образом, рассмотрением судеб отдельных пострадавших деятелей большевистской партии. Изучение проблемы носило весьма ограниченный характер. Большинство биографических очерков обрывалось 1937 г., о дальнейшей судьбе человека можно было только догадываться. Работы в основном носили апологетический характер, поскольку были нацелены на восстановление честных имен безвинно репрессированных деятелей партии. Характерной для того периода была работа В.Я. Романова, посвященная жизни и деятельности первого секретаря Уральского обкома ВКП (б), И.Д. Кабакова. Наиболее радикальной в тех условиях была оценка репрессий 1930-х гг. как неоправданных, представленная в работе уральского историка А.В. Бакунина.

С началом перестройки, ознаменовавшейся открытием архивов, публикацией на страницах отечественных изданий трудов западных авторов, прежде всего Р. Конквеста, происходят значительные изменения в разработке проблемы репрессий против руководящих кадров. Историками были поставлены такие вопросы, как хронологические рамки и периодизация сталинских репрессий, причины их начала и завершения, какие категории руководящих работников и почему в первую очередь пострадали от репрессий, было ли сопротивление репрессиям со стороны партийного аппарата. Большую активность в постановке и разработке проблемы репрессий по вполне объективным причинам проявили историки из Центра: Л.А. Гордон, Э.В. Клопов, И.А. Кузнецов, О.В. Хлевнюк и др.

Работы уральских авторов С.Д. Алексева, К. Григорьева, Л.Ф. Кузнецова, Л.Ф. Муртузалиевой, Н. Назарова, А.В. Свалова, А.А. Попова, Н.Н. Попова, С.П. Постникова, С.А. Порошина и др. представлены в

основном биографическими очерками о деятелях большевистского движения, пострадавших в годы репрессий. Помимо биографии И.Д. Кабакова в перестроечный период были написаны биографии А.Н. Жилинского, Я.А. Истомина, Ш.С. Окуджавы, М.К. Опвинцева, В.В. Реутова, С.В. Мрачковского, Л.М. Марьясина, И.Д. Переля, К.В. Рындина. Через судьбу конкретных личностей показывалась противоречивость 1930-х гг. В биографиях освещается механизм репрессивной политики советского государства на Урале, представлен ценный фактологический материал. В основной массе исследования уральских историков носят описательный характер. Л.С.Юдина, анализируя жизнь и деятельность Рындина, сделала, с нашей точки зрения, достаточно важный для того времени вывод, что первый секретарь Челябинского обкома партии был «человеком своего времени и ему были присущи командный стиль работы, не всегда корректное обращение с подчиненными». Этот вывод приобретает особую ценность на фоне той апологетики в отношении руководящих кадров, которая была характерна для советского этапа в истории изучения проблемы в целом и перестроечного периода в частности.

Характерной для перестроечных работ была статья Н.Н. Попова «Белые и черные пятна прошлого», в которой автор не просто перечисляет имена пострадавших от репрессий, а пытается дать оценку карательной политике государства. Н.Н. Попов внес, несомненно, большой вклад в разработку проблемы репрессий в отношении лидеров большевистского движения на Урале. Благодаря его усилиям в 1989 г. в Свердловске была проведена конференция «Вклад большевиков – ленинцев в революционное движение и социалистическое строительство на Урале», а в 1990 г. была опубликована уникальная книга «37-й на Урале», которая содержит богатый фактологический материал. В работе помещены не только очерки, но и воспоминания, письма, документы. Ее уникальность в том, что она дает возможность проанализировать, как сталинские репрессии повлияли на развитие страны в целом и Урала в частности, исследовать механизм репрессивной политики.

Второй параграф посвящен рассмотрению теоретических вопросов, поднимаемых современными историками при изучении репрессий в отношении руководящих кадров на Урале в сталинский период.

На современном этапе российскими авторами используется концепция советского тоталитаризма. В 1990-е гг. в Екатеринбурге и Перми был проведен ряд конференций, на которых репрессии рассматривались в свете этой теории. Концепция советского тоталитаризма оказала влияние на изучение проблемы репрессий в трудах либеральных исследователей, которые пришли к выводу, что репрессии были неотъемлемым элементом тоталитарной системы, обеспечивающим ее поддержание. С данных позиций политические репрессии рассматриваются в работах А.В. Бакунина, В.М. Кириллова, Р.Т. Москвиной, А.С. Смыкалина и ряда других историков.

В диссертации подробно освещается проблема периодизации репрессий, направленных против руководящих кадров на Урале. Следует отметить, что деление на три этапа: рубеж 1920–30-х гг., середина 1930-х гг. и послевоенный период, - характерно в целом для политических репрессий рассматриваемого нами периода, направленных не только против руководящих работников, но и против интеллигенции и церкви. Однако в отношении каждой отдельной категории существует своя специфика. Тема репрессий в отношении партийной и советской номенклатуры на рубеже 1920–30-х гг., как в западной, так и в отечественной историографии, раскрывается в основном через анализ репрессий в отношении директоров предприятий. Репрессии против других категорий управленцев фактически выпадают из поля зрения исследователей. В этой связи особую ценность представляет работа уральского историка В.В. Филатова. По мнению исследователя, репрессии рубежа 1920–30-х гг. в связи с проводимой в стране политикой коллективизации, главным образом, коснулись работников областных и районных земельных управлений, председателей колхозов.

Гораздо более подробно в исторической литературе освещаются репрессии против руководящих кадров в середине 1930-х гг. На общероссийском материале репрессии против номенклатуры анализируются в работах В.И. Бакулина, А.В. Елсеева, Ю.Н. Жукова, В. Кудрявцева, А. Трусова, И.В. Павловой, А.В. Сыченковой. В 1990-е гг. – начале XXI в. к изучению проблемы репрессий в отношении руководящих кадров Урала в конце 1920-х – начале 1950-х гг. активно подключились уральские историки. На уральском материале репрессии против партийных и советских работников в 1930-е гг. анализируются в работах А.В. Бакунина, О.Ю. Винниченко, В.М. Кириллова, Г.Е. Корнилова, О.В. Оболенской, Н.Н. Попова, А.В. Сушкова, А.В. Федорова, М.А. Фельдмана, В. Н. Хаустова и др.

В отличие от зарубежных и отечественных исследователей среди уральских авторов нет единого мнения по вопросу начальной точки отсчета массовых репрессий в отношении руководящих кадров на Урале. Одни историки считают, что массовые репрессии против номенклатуры на Урале начинаются в середине 1930-х гг., по мнению других, с 1933 г., постепенно нарастая, достигают своего апогея к 1937 г. Историки, придерживающиеся последней точки зрения, считают, что сначала репрессии были направлены, против низовых звеньев аппарата, а уже к середине 1930-х гг. против средних и высших. Таким образом, историками выделяются категории репрессируемых представителей номенклатуры.

Все исследователи сходятся во мнении, что 1937 г. явился апогеем репрессивной политики советского государства на Урале. Достижение пика репрессий историки связывают с «делом Кабакова», которое на сегодняшний день не получило должного освещения в исторической литературе. Незначительно приращение с перестроечного периода в исследованиях, касающихся судеб репрессированных представителей номенклатуры. В последние годы достаточно активно деятельностью руководителей

Свердловской области в советский период занимается А.В. Сушков. Большинство его работ относятся к жанру биографических справочников, что не умоляет их научную значимость, так как они содержат богатый фактологический материал, позволяющий историку составить представление о тех перемещениях, которые происходили в аппарате власти в конце 1920-х – начале 1950-х гг. и их причинах.

Что касается второй половины 1940-х – начала 1950-х гг., то здесь нельзя не согласиться с теми авторами, которые считают, что готовившиеся Сталиным после войны репрессии в отношении партийных и советских работников, не успели в полной мере проявить себя на периферии. Можно говорить лишь об их отголосках, которые получили отражение в исследованиях историков. По мнению Е.Ю. Зубковой, отличительной чертой послевоенных политических репрессий можно считать замкнутость их на уровне элит – центральных и местных. Данная точка зрения находит подтверждение в исторических источниках.

В третьем параграфе рассматриваются взгляды исследователей на проблему репрессий в отношении номенклатуры на Урале в 1930-е – начале 1950-х гг., освещаются дискуссионные вопросы темы.

В современной исторической литературе активно обсуждается вопрос о том, кем был развязан террор середины 1930-х гг. Ряд историков как западных, так и отечественных, придерживающиеся ревизионистских позиций, считают, что массовые репрессии середины 1930-х гг. были развязаны не Сталиным, а региональными лидерами. Последние, по мнению исследователей, в условиях усилившегося напряжения между центральной властью и местным аппаратом, желая предотвратить удар, который был предназначен им самим, направляли террор против многочисленных «врагов народа», демонстрируя тем самым Центру свою бдительность. В отличие от представителей ревизионизма сторонники тоталитарной концепции Дж. Боффа и Н. Верт считают, что местные руководители были не только проводниками требовательных московских директив, но одновременно и посредниками, выражающими целый комплекс требований снизу. Уральские исследователи, разделяющие позицию зарубежных авторов, в качестве примера приводят деятельность И.Д. Кабакова на посту руководителя области.

Из отечественных исследователей А.В. Елисеев, Ю.Н. Жуков, коллектив авторов издания «Тоталитаризм в XX веке. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления» полагают, что региональные лидеры сыграли непосредственную роль в развязывании большого террора.

Определенный интерес представляет точка зрения В.С. Терехова на причины большого террора в отношении региональных руководящих работников. Автор считает, что они, перенимая у верховной власти, свойственные ей стиль управления и поведенческие стереотипы, формируя свой культ личности на местах, неосознанно посягали на абсолютную власть Сталина.

Уральские историки, активно обсуждая особенности сталинских репрессий на Урале в отношении номенклатуры, пришли к выводу, что, во-первых, репрессии привели к упадку в промышленности региона, во-вторых, только на Урале областные руководящие органы обновлялись за 1937–1939 гг. несколько раз, что не могло способствовать развитию региона.

Несколько поменялись оценки в вопросе о том, как удалось за столь короткий период уничтожить целый слой коммунистов. В современной исторической литературе продолжают вестись дискуссии по вопросу, был ли протест сталинским репрессиям. Западные историки отмечают, что некоторое сопротивление репрессиям было не только среди членов ЦК и Политбюро, но и внутри самого НКВД. Среди уральских исследователей данной точки зрения придерживается В.С. Балакин. А.В. Сыченкова, А.Ю. Ватлин, Р.С. Гольдберг считают, что после массовых репрессий середины 1930-х гг. о каком-то либо проявлении протеста говорить не приходилось.

О репрессиях против номенклатуры в национальных районах Урала в 1930-е гг. говорится в работах Р.А. Давлетшина, С.Ф. Касимова, Г.В. Мерзляковой, С. Сажина. Историки отмечают, что для национальных районов были характерны те же процессы, что для региона в целом. Отличием является то, что репрессивные меры обрушивались на национальные кадры немного позднее по времени и среди обвинений звучало обвинение в национализме.

О репрессиях в среде номенклатуры в послевоенный период на общероссийском материале говорится в работах А.А. Данилова, Е.Ю. Зубковой. Репрессии против партийных и советских кадров на Урале в военный и послевоенный периоды рассматриваются в работах Э.Б. Дружининой, Н.П. Палецких, А.И. Прищепы, Н.П. Шмаковой. Историки поднимают вопрос о причинах нового витка послевоенных репрессий. В ходе войны сталинский режим эволюционировал в сторону «консенсуального правления». Это было вызвано тем, что война приучила альтернативно и критически мыслить, в результате чего в послевоенном обществе, ожидавшем коренных перемен, нашлись люди, которых уже трудно было запугать репрессиями или купить привилегиями. Процесс «разбалансировки сталинского социализма», снижение социального страха явились причинами послевоенного витка репрессий, по мысли большинства историков. А.А. Данилов считает, что Сталин после войны пошел по пути ослабления позиций приближенных к нему Молотова, Маленкова, Берии через кадровые перестановки и расширение состава ключевых органов. Это вызвало волну репрессий не только в центре, но и на местах.

Вторая глава «Репрессивная политика советского государства в отношении интеллигенции на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. в отечественной историографии» состоит из двух параграфов.

Первый параграф посвящен рассмотрению в исторической литературе карательной политики на Урале в конце 1920-х – 1930-е гг. в отношении представителей инженерно-технической интеллигенции.

В советской историографии на протяжении долгого времени борьба с представителями «буржуазной» интеллигенции рассматривалась как классовая борьба с контрреволюционными силами, ведущими вредительскую деятельность, направленную на срыв строительства социализма в СССР, свержение советской власти и реставрацию буржуазно-помещичьего строя. Первые упоминания о представителях интеллигенции, которые жили и творили в сталинский период, в отечественной историографии появляются в 1960-е - первой половине 1980-х гг. Но писать об их судьбе в то время можно было предельно осторожно, не раскрывая в частности проблему репрессий.

Ситуация начинает меняться во второй половине 1980-х гг. Историки начинают поднимать такие вопросы, как причины репрессий против инженерно-технических кадров на рубеже 1920–30-х гг., какие категории интеллигенции в первую очередь пострадали от сталинских репрессий, проблема «вредительства». Большинство отечественных историков конца 1980-х – начала 1990-х гг. основной причиной репрессий против инженерно-технических кадров на рубеже 1920–30-х гг., считает стремление партийной верхушки во главе со Сталиным возложить на ИТР все неудачи первой пятилетки.

На современном этапе развития исторической науки на уральском материале репрессии против инженерно-технических кадров в конце 1920-х – 1930-е гг. раскрывают в своих работах Г.В. Гассельблат, Л.С. Герасименко, М.Е. Главацкий, А.И. Делицой, В.М. Кириллов, В.С. Терехов, И.С. Шилов. Большую роль в разработке проблемы репрессий в отношении интеллигенции в конце 1920-х – начале 1950-х гг. сыграло создание в 1994 г. в Екатеринбурге по инициативе М.Е. Главацкого центра «XX век в судьбах интеллигенции России». Историки поднимают вопросы о начальной точке отсчета сталинских репрессий в отношении ИТР, о взаимосвязи процессов против интеллигенции, проходящих в Москве с теми, что проходили в регионе, о спешесдческих настроениях рабочих к представителям старой буржуазной интеллигенции, о вредительстве, о сходствах и различиях в репрессивной политике советского государства рубежа 1920–30-х гг. и середины 1930-х гг., о причинах массового характера репрессий,

Изменился взгляд исследователей на причины репрессий в отношении интеллигенции. Во второй половине 1990-х гг. большая часть историков стала придерживаться точки зрения о том, что репрессии были вызваны отрицательным отношением интеллигенции к отходу руководства страны от НЭПа, пониманием ею опасности и в какой-то мере авантюристности для экономики грандиозных сталинских планов.

Большое внимание на современном этапе уделяется проблеме отношения простого народа к репрессиям против ИТР. Историками была поставлена проблема об ответственности народа за масштаб репрессий середины 1930-х гг. Среди ученых на сегодняшний день не сложилось единого мнения о причинах потворства населения карательной политике. Одни историки объясняют данный феномен страхом за свою жизни и жизнь

близких. Другие – энтузиазмом участия в общем великом деле построения социализма. Третьи – отсутствием правового регулирования в стране, в результате чего люди были не в состоянии оказывать сопротивление власти. Четвертые считают, что отношение населения к репрессиям изменялось в зависимости от того, как складывалась собственная судьба и судьба близких.

В последние десятилетия в связи с активизацией сторонников модернизационной концепции широко обсуждаемым в исторической литературе стал вопрос о репрессиях как методе проведения сталинской модернизации. Мнения сторонников либерального и модернизационного подхода по данному вопросу кардинально противоположны. Одни историки считают, что репрессивная политика позволила поднять экономику страны на высокий уровень. Другие исследователи полагают, что карательные меры со стороны государства лишь ослабили страну.

Слабо изучены в исторической литературе взаимоотношения научно-технической интеллигенции и власти в период Великой Отечественной войны. Историками, в частности уральским исследователем Н.П. Палецких, в основном затрагивается проблема использования труда инженерно-технических кадров в так называемых «шарашках».

В целом можно говорить о достаточно хорошем освещении в исторической литературе проблемы репрессий в отношении инженерно-технических кадров на Урале. В советский период данная тема затрагивалась в очень ограниченном масштабе. Полноценный анализ карательной политики советского государства против ИТР содержится в работах современных авторов.

Второй параграф посвящен изучению репрессивной политики сталинского руководства на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. в отношении художественной и научной интеллигенции, главным образом, вуровской.

Судьбу художественной интеллигенции в условиях сталинского режима власти на общероссийском материале рассматривают такие исследователи, как Ж.Е. Левина, Л.В. Груздева, В.Ш. Назимова, В.Н. Парамонов, М.С. Петренко, Н.Б. Петров, Е.М. Раскатова. На уральском материале проблеме репрессий против деятелей культуры посвятили свои работы Г.С. Андрианова, Н.С. Журавлева, И.В. Сибиряков, Г.А. Янковская. Историки отмечают дискриминационный характер государственной политики в отношении данной категории интеллигенции. В этой связи в литературе рассматривается вопрос об изменении методов в отношении художественной интеллигенции в середине 1930-х гг. по сравнению с рубежом 1920–30-х гг. Указывают на постепенное вытеснение к середине 1930-х гг. агитационно-пропагандистских мер мерами физического принуждения. В.Н. Парамонов, рассматривая методы власти в отношении интеллигенции в военный период, отмечает в качестве основного метод «кнута и пряника». В отличие от Ж.Е. Левинной и В.Ш. Назимовой исследователь считает, что в военный период

нельзя говорить о вытеснении одного метода другим, следует вести речь об их сочетании.

Применительно к послевоенному периоду в исторической литературе активно обсуждается вопрос о позиции, занятой художественной интеллигенцией, в отношении власти. Уральский историк И.В. Сибиряков приходит к тем же выводам, что и представители общероссийской историографии, что основная масса провинциальных писателей, художников, музыкантов полностью «поддерживала» линию партии и правительства, совершенно искренне участвуя в политических кампаниях первых послевоенных лет.

Изучением репрессий в отношении краеведческих кадров в конце 1920-х – 1930-е гг. на уральском материале занимается Н.Н. Тагильцева. Исследователем анализируются этапы, причины, последствия репрессий, их особенности для уральского региона, восстанавливаются биографии представителей уральского краеведения.

Репрессии против вузовской интеллигенции и студенчества в военный и послевоенный период на уральском материале освещаются в работах В.В. Дубленных, В.А. Мазур, Н.Ф. Муравьевой, А.И. Прищепы. Каждая работа, написанная по данной теме, имеет большую ценность, так как проблема на уральском материале исследована слабо. Работа А.И. Прищепы является практически единственным монографическим обобщающим трудом по заявленной теме. Историк, вслед за своими коллегами, занимающимися данной проблемой на общероссийском материале, поднимает вопрос о влиянии войны на общественные процессы послевоенного периода на Урале, особенно в студенческой среде. В современной исторической литературе изменилась по сравнению с литературой перестроечного периода оценка деятельности молодежных групп середины 1940-х гг. Если раньше она рассматривалась как «полунитра», то в 1990-е гг. историки начинают видеть в инакомыслящей молодежи первые зачатки политической оппозиции.

С 1990-х гг. начинают появляться исследования, посвященные репрессиям в отношении национальной интеллигенции Башкирии и Удмуртии. Здесь надо отметить работы О.И. Васильевой, К.И. Куликова, Г.В. Мерзляковой, И.А. Пашковой, Л.Ф. Шкляевой. Историки заостряют внимание на противоречивом характере политики советского государства в отношении национальной интеллигенции.

Третья глава «Гонения на церковь на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. в отечественной историографии» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе рассматривается карательная политика советской власти против церкви на Урале на рубеже 1920–30-х гг.

В советской историографии церковь рассматривалась подавляющим большинством исследователей в качестве враждебной советскому строю силы, а сами гонения на священнослужителей трактовались не иначе как борьба с врагами народа. На сегодняшний день оценки репрессий в

отношении церкви кардинально поменялись, и большинство историков считают, что это была борьба двух идеологий: «официальной государственной идеологии, новой культуры, основанной на марксизме и насаждаемой сверху государством, и традиционной, «почвенной» культуры, основой которой является православие».

Первые работы, посвященные проблеме гонений на церковь и духовенство в сталинский период уже не с позиций единственно возможной в СССР формационной концепции, начинают появляться в годы перестройки. Особо хотелось бы выделить сборник статей «На пути к свободе совести», в котором помещены статьи как светских, так церковных авторов. В годы перестройки изучение проблемы репрессий в отношении церкви и церковнослужителей происходило, главным образом, на общероссийском уровне. Среди крупных исследователей данной проблемы в перестроечный период можно назвать В.А. Алексеева и М.И. Одинцова. Ими были поставлены вопросы, которые в 1990-х гг. получают свое освещение на уральском материале. Прежде всего, это проблема закрытия храмов и репрессии в отношении священнослужителей. Большое внимание исследователи уделяли теме несоблюдения прав и игнорирования настроений верующих при закрытии культовых учреждений со стороны местных органов власти. В целом можно согласиться с мнением М.Г. Нечаева, что первые работы носили ярко разоблачительный характер.

Со второй половины 1980-х гг. можно говорить о начале развития двух направлений в изучении репрессий против церкви: светского и церковного. На сегодняшний день данные направления в изучении заявленной проблемы продолжают сохраняться и развиваться. Они отличаются друг от друга спектром рассматриваемых вопросов, а также характером объяснения тех или иных проблем. При этом следует отметить, что внутри каждого из направлений произошли существенные изменения. В работах церковных исследователей в последнее время приобретает популярность такой жанр как жития новомучеников. Основоположителем данного жанра в отечественной историографии является иеромонах Дамаскин. Его сочинения дали толчок к появлению местных краеведческих работ, написанных в том же ключе. Они содержат богатый фактологический материал, дающий подробное представление о жизни и деятельности представителей церкви, подробно освещают механизм репрессий против церковнослужителей, деятельность советской власти по закрытию храмов и других культовых зданий на Урале.

Со стороны светских авторов появился ряд принципиально новых исследований. На общероссийском материале можно выделить работы О.Ю. Васильевой, М.В. Шкаровского, Е.С. Ревякина и других авторов.

На уральском материале проблема репрессий против церкви и священнослужителей освещается в работах П.Н. Агафонова, П.В. Каплина, М.В. Булавина, М.А. Сайдашевой, В.С. Боже, Ю.А. Русиной, С.И. Уткина, Г.И. Стариковой и др. Уральскими авторами подробно анализируется вопрос

о роли местных органов власти в репрессиях против церкви и о реакции населения на гонения против церкви. Вместе с тем в работах уральских авторов меньше внимания, нежели в исследованиях, написанных на общероссийском материале, уделяется изучению деятельности местных ячеек Союза воинствующих безбожников, который сыграл немаловажную роль в антирелигиозной политике государства.

Применительно к репрессиям рубежа 1920–30-х гг. историками рассматриваются следующие вопросы: причины репрессий, методы и средства воздействия на церковь, несоблюдение прав и игнорирование интересов верующих. Актуальной в исторической литературе на сегодняшний день остается проблема закрытия культовых учреждений и их последующая судьба в условиях атеистического государства. В последние десятилетия был поставлен вопрос о разрушении историко-культурного наследия как последствие антирелигиозного похода рубежа 1920–30-х гг.

Изучая вопрос об участии местных органов власти в антирелигиозной политике, большинство уральских исследователей приходят к выводу об их самовольной агрессивной политике в отношении церкви. Подробный анализ факторов, предопределивших ярко выраженную антицерковную активность низовых руководителей, дается в работах М.В. Булавина. Несмотря на подробное рассмотрение уральскими историками, роли местных органов власти в антирелигиозной политике советского государства, данная проблема носит, если можно так сказать, абстрактный характер. Рассуждая над вопросом, авторы уходят от персонификации, а отсюда возникает непонимание, кто конкретно из представителей местной власти старался на поприще закрытия храмов, репрессий в отношении священнослужителей. Возникает вопрос о причинах активного участия местной власти в антирелигиозной политике: было ли это вызвано личными мотивами, или карьеристскими устремлениями и т.д.

Дискуссионным в исторической литературе является вопрос об отношении простого народа к гонениям против церкви. Одни историки считают, что население городов и деревень поддерживало антирелигиозную политику советского руководства. Другие доказывают, что верующие активно вставали на защиту религии. По нашему мнению, нельзя подходить к данному вопросу с позиций двух крайних точек зрения.

Не сложилось у историков единого мнения о причинах репрессий в отношении священнослужителей на рубеже 1920–30-х гг. Часть ученых подходит к этой проблеме с точки зрения политики и идеологии, другая – с экономических позиций.

Судьба репрессированного мусульманского духовенства на Урале на рубеже 1920–1930-х гг. освещается в работах Л.Р. Малицкой, М.А. Сайдашевой, А.Б. Юнусовой и других.

Во втором параграфе анализируется изучение проблемы гонений на церковь и священнослужителей на Урале в 1930-е – начале 1950-х гг. в отечественной литературе.

Среди уральских историков, занимающихся данной темой, можно назвать В.С. Боже, В.В. Чевардина, В.С. Блохина, Е.В. Лядова, В. Лавринова, А. Лобашева, Е.В. Андрееву и др. Исследователями анализируются вопросы о причинах усиления репрессий против церкви в 1930-е гг., об отличиях репрессий 1930-х гг. от гонений рубежа 1920–30-х гг., о закрытии культовых учреждений. Работ, посвященных закрытию храмов в 1930-е гг., особенно это касается середины и второй половины 1930-х, гораздо меньше, нежели по той же теме, но применительно к рубежу 1920–30-х гг.

Дискуссионным является вопрос о степени сопротивления населения гонениям на церковь в 1930-е гг. Ряд историков считает, что к середине 1930-х гг. не приходится говорить уже ни о каком сопротивлении со стороны населения властям, другие полагают, что, несмотря на возможные репрессии, верующие стремились защитить храмы в момент их закрытия.

Гонениям на церковь в 1930-е гг. в национальных районах Урала посвящены работы И.Б. Гарифуллиной, М.А. Сайдашевой и других авторов. Исследователи отмечают, что для национальных районов были характерны те же процессы, что для региона в целом.

В исторической литературе был поставлен вопрос о самом существовании церкви в СССР в 1930-е гг. Историки единодушны в том, что религии был нанесен существенный удар, однако, уничтожить церковь большевистскому руководству так и не удалось.

Значительная часть исследований на общероссийском материале, посвящена взаимоотношениям церкви и государства в 1940-е гг. Однако то же самое нельзя сказать об изучении данной проблемы на уральском материале. Возможно, это связано с тем, что на протяжении первой половины 1940-х гг. происходил процесс нормализации отношений между государством и церковью, а начавшийся со второй половины 1940-х гг. новый виток репрессий в отношении церкви, не успел дойти до периферии. Вместе с тем следует отметить, что нормализация отношений начинается с середины войны. Таким образом, отношения между государством и церковью в начальный период Великой Отечественной войны останутся вне зоны пристального внимания историков.

Среди уральских исследователей, занимающихся проблемой гонений на церковь в военный и послевоенный периоды, можно выделить Т.А. Чумаченко, А.В. Сперанского, В. Лавринова. Исследователями рассматриваются вопросы об открытии и последующем закрытии храмов, об усилении религиозной активности населения, о причинах послевоенного витка репрессий в отношении церкви, о роли местных органов власти в религиозной политике советского государства на местах.

Анализ исторической литературы позволяет говорить о том, что в наибольшей степени изучен сюжет гонений на церковь на Урале на рубеже 1920–30-х гг., особенно проблема закрытия культовых учреждений. В меньшей степени исследована тема репрессий 1930-х гг. Что касается 1940-х

– начала 1950-х гг., здесь следует отметить, что на Урале ярко выраженных репрессий в отношении церкви не проводилось.

В заключение диссертации даны основные выводы и подведены итоги проблемы. Показано, что отечественная историческая наука достигла определенных успехов в изучении проблемы политических репрессий конца 1920-х – начала 1950-х гг. на Урале. По данному вопросу накоплен значительный фактический материал, опубликовано большое количество работ.

В советский период тема репрессий либо не затрагивалась совсем в работах историков, либо карательная политика советского государства оценивалась как необходимая в условиях капиталистического окружения страны борьба с врагами народа. Некоторые изменения в рассмотрении темы прослеживаются после XX съезда КПСС в связи с начавшимся процессом реабилитации жертв репрессий. Несмотря на это, тема репрессий в тот период затрагивалась в ограниченном масштабе.

Предпосылки переосмысления данной проблемы начинают постепенно складываться на рубеже 1980-х – 1990-х гг. Начинается открытие архивов. Однако данный момент не стоит переоценивать, поскольку в рамках перестроечного периода в оборот еще не был введен широкий круг новых документальных источников. Наряду с формационным начинает формироваться либеральный подход в изучении советского прошлого. Работы зарубежных исследователей получают возможность быть опубликованными на страницах отечественных изданий. Несмотря на те изменения, которые происходили в годы перестройки, работы данного периода в целом написаны в контексте советского этапа развития исторической науки.

На современном этапе развития исторической науки проблема сталинских политических репрессий на Урале получила рассмотрение с точки зрения разных подходов. Значительная часть работ написана в рамках либеральной концепции, формирование которой началось в годы перестройки. В 1990-е гг. начинают появляться исследования, написанные сторонниками модернизационной концепции.

Уральские историки активно включились в процесс освоения и обобщения материала по теме политических репрессий конца 1920-х – начала 1950-х гг. на Урале в 1990-е гг. Следует отметить, что основной тенденцией в разработке проблемы репрессивной политики сталинского руководства на современном этапе развития исторической науки стало углубление ее регионального аспекта.

На современном этапе развития исторической науки был поднят целый ряд теоретических проблем: понятие репрессии, понятие большого террора, масштаб и причины сталинских репрессий, их механизм и последствия для страны в целом и для уральского региона в частности.

Историки в своих работах достаточно подробно рассмотрели политические репрессии против таких категорий, как руководящие работники, интеллигенция, священнослужители.

В рамках изучения репрессий против партийных и советских руководящих работников в большей мере исследователями изучен период 1930-х гг. Поверхностно освещается рубеж 1920–30-х гг., хотя в тот период серьезно пострадали представители низшего звена руководящих работников в связи с проводимой в стране коллективизацией. Репрессии 1940-х – начала 1950-х гг., начавшиеся в Центре не успели в полной мере проявить себя на периферии, тем не менее, отдельные отголоски карательной политики достигли региона. Однако они не получили существенного освещения в исторической литературе. Дискуссионной в работах историков является проблема периодизации массовых репрессий в отношении руководящих работников. В последние годы в связи с появившейся в исторической литературе тенденцией к оправданию сталинской карательной политики широко обсуждаемым стал вопрос о том, кто виновен в развязывании массовых репрессий против номенклатуры: Сталин или региональные лидеры.

В ходе изучения исторической литературы, посвященной репрессиям в отношении интеллигенции, можно сделать вывод, что карательная политика советского государства на разных этапах была направлена против разных категорий интеллигенции. Наиболее изученной на сегодняшний день является тема репрессий в отношении инженерно-технических кадров на Урале в конце 1920-х – 1930-е гг. Авторами были подняты такие вопросы, как причины репрессий против инженерно-технических кадров, как репрессии в Центре отозвались на Урале, сравнительный анализ репрессий рубежа 1920–30-х гг. с репрессиями середины 1930-х гг., отношение простых рабочих к репрессиям против инженерно-технических кадров. Широко обсуждаемой в исторической литературе является проблема вредительства инженеров на предприятиях, которая была поставлена еще в советский период. Применительно к послевоенному периоду авторами подробно освещаются репрессии против вузовской интеллигенции и студенчества. В современной исторической литературе по сравнению с перестроечной изменилась оценка деятельности молодежных групп середины 1940-х гг.

Значительное внимание историков на современном этапе сосредоточено вокруг проблемы репрессий в отношении церкви и священнослужителей. В основном исследователи занимаются изучением карательной политики власти рубежа 1920–30-х гг. В исторической литературе подробно исследуется проблема закрытия культовых учреждений и их последующая судьба. На рубеже XX–XXI вв. был поставлен вопрос о разрушении культурно-исторического наследия страны и уральского региона в частности. Подробно рассматривается вопрос о причинах гонений на церковь на рубеже 1920–30-х гг. В гораздо меньшей степени по сравнению с репрессиями рубежа 1920–30-х гг. исследованы репрессии середины 1930-х

гг. Что касается второй половины 1940-х – начала 1950-х гг., то карательная политика государства не успела в полной мере проявить себя на Урале. Дискуссионным является вопрос об отношении населения к репрессиям против церкви. Применительно к 1930 – 1940 гг. историки поднимают вопрос о степени религиозной активности населения, на который также не сложилось единой точки зрения в исторической литературе. На современном этапе развития исторической науки в условиях углубления регионального аспекта темы авторами был поставлен вопрос о роли местных органов власти в антирелигиозной политике советского государства.

Значительную активность в деле изучения политических репрессий на Урале на современном этапе развития исторической науки проявили историки в национальных районах. Авторы приходят к выводу, что для национальных районов были характерны все те же тенденции, что для региона в целом. При этом историки оговаривают, что были и свои особенности. Так, например, одним из распространенных обвинений в сторону руководящих работников и представителей интеллигенции было обвинение в национализме.

Недостаточно на рубеже XX–XXI вв. освещаются трагические судьбы партийных и советских работников на Урале. Фактически, со времени перестройки не произошло должного в условиях появления новых исторических источников приращения. Рассуждая о вине региональных лидеров в развязывании большого террора, историки не приводят конкретных фамилий и фактов. Слабо изучены репрессии в отношении военных кадров на Урале.

Мало внимания в исторической литературе уделяется проблеме репрессий в отношении художественной интеллигенции на Урале, которая в основном представлена работами описательного характера. Поверхностное рассмотрение в работах уральских историков получила проблема репрессий в отношении инженерно-технических кадров в военный и послевоенный периоды. Слабо освещается тема репрессий против инженеров иностранного происхождения, которых было немало на уральских заводах. Мало работ посвящено научной интеллигенции в 1930-е гг. Несмотря на наличие опубликованных исторических источников, затрагивающих репрессии советского государства в отношении вузовской интеллигенции в 1930-е гг., этот сюжет на сегодняшний день не получил своего отражения в исторической литературе.

Практически не освещаются в исторической литературе отношения между государством и церковью в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Исторические источники показывают, что карательная политика советского государства продолжалась и в конце 1930-х гг., и в начальный период войны. Исследователи, поверхностно рассмотрев гонения на церковь в середине 1930-х гг., сразу же переходят к анализу отношений между государством и церковью во второй половине Великой Отечественной войны. Ряд вопросов, получивших достаточно подробное освещение на общероссийском уровне,

пока не проанализирован с привлечением местного материала. Из поля зрения уральских исследователей уходит проблема гонений на церковь во второй половине 1940-х гг. Несмотря на то, что в полной мере процессы, происходившие в Центре, не успели «докатиться» до периферии, тем не менее, отдельные отголоски имели место быть. Не изучена на уральском материале деятельность местных ячеек Союза воинствующих безбожников.

Одной из существенных проблем на сегодняшний день в историографии темы политических репрессий является отсутствие фундаментальных научных трудов, посвященных репрессиям в отношении интеллигенции и церкви на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. Необходимость подобного рода исследований обусловлена теми изменениями в исторической науке, которые произошли за последние десять-пятнадцать лет: появление новых исторических источников, новых подходов к проблеме. Работа над такими изданиями помогла бы сделать существенный шаг вперед в изучении темы политических репрессий на Урале.

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. Сосновских С.В. Политические репрессии середины 1930-х гг. на Урале в творчестве современных историков // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 52. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 22. С. 319-328.

2. Сосновских С.В. Историография общественно-политической жизни Урала в 1920-е гг. // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 1/2(63). Сер. 2. Гуманитарные науки. С. 315-318.

Публикации в сборниках научных трудов и материалах конференций:

1. Сосновских С.В. А.В. Бакунин о месте репрессий в системе советского тоталитаризма // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: мат. VIII Всеросс. науч. конф. В 2-х тт. Екатеринбург: Изд-во «АМБ», 2007. Т. 2. С. 237-241.

2. Сосновских С.В. Оценка внешнеполитического курса советского руководства в 1920-е гг. в зарубежной историографии // Сб.: Международные отношения в XIX–XX веках. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2007. Вып. 3. С.122 - 125.

3. Камынин В.Д., Сосновских С.В. Концептуально-методологические интерпретации «великой чистки» на Урале // 1937 год: память и уроки: мат. межрегион. науч.-практ. конф. Тюмень: Вектор бук, 2007. С. 38-40.

4. Сосновских С.В. Проблема взаимоотношений интеллигенции и власти в конце 1920-х – 1930-е годы в современной историографии // Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность: мат.

докл. и сообщ. Всеросс. науч. конф., посв. 75-летию проф. В.Г. Чуфарова. В 2 кн. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. Кн.1. С.231-236.

5. Сосновских С.В. Личность и деятельность И.Д. Кабакова в отечественной историографии // Время Кабакова: сб. мат. к 75-летию образования Свердловской области. Екатеринбург: УрГУ, 2008. С. 17-26.

6. Сосновских С.В. Репрессивная политика Советского государства в отношении инженерно-технической интеллигенции на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. в современной отечественной историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: мат. IX Всеросс. науч. конф. В 2-х тт. Екатеринбург: Изд. дом «Автограф», 2009. Т.1. С. 158-163

Подписано в печать 02.2010 г. Формат 60×84 1/16.
Тираж 100 экз. Заказ № 162.

Отпечатано в типографии ИПЦ «Издательство УрГУ»
620063, г. Екатеринбург, ул. Турганова, 4.